

© 1992 г.

Э. БЕРК

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ*

Просчеты ведут к тирании

Всякий раз, когда во имя поддержки революции и защиты ее интересов прибегают к помощи тирании и жестокости (обман, жульничество, насилие, грабежи, пожары, конфискации, обязательные денежные поборы и др.) и, тем самым, вполне естественно, попирают нравственные чувства возвышенных и благородных умов, приверженцы этой порочной философской системы (просвещения. — *Ред.*) сразу же напрягают свои голосовые связки, осуждая прежнее монархическое правительство Франции.

Когда они вдосталь поглумятся над сверженной властью, тогда выдвигают аргумент, что все, кто не одобряет оскорблений в ее адрес — мракобесы, а те, кто отвергает их жестокие и насильственные представления о свободе, — поборники рабства.

Я допускаю, что необходимость заставляет их прибегать к презренному обману. Ничто так не может примирить людей в их поступках и проектах, как предположение, что другого выбора, как между ними, с одной стороны, и образчиками одиозной тирании, запечатленной в истории и в воображении поэтов, с другой стороны, просто нет. Однако их болтовню едва ли можно назвать «софистикой». Это обычная дерзость. Разве не встречали когда-нибудь эти джентльмены в теории или на практике такую вещь, как различие между деспотизмом монархии и деспотизмом толпы? Разве они никогда не слышали о монархии, управляемой законами, а также контролируемой, уравновешиваемой великим благосостоянием и достоинством нации, которые, в свою очередь, подотчетны правосудию и, в большинстве случаев, подчиняются руководству подходящего и постоянного органа власти в соответствии с волей и желанием народа?

И тогда разве возможно, чтобы нашелся такой человек (не душевнобольной или глупый), который предпочел бы подобному смешанному и сдержанному правлению какие-то другие крайности, и который бы не полагал, что нация, нуждающаяся во всех мудростях и добродетелях, скорее примет такое правительство и будет реально его поддерживать, чтобы избавить от многих невзгод свою страну. И разве это такая уж непререкаемая истина — «чистая демократия есть единственная удовлетворительная, приобретаемая людьми общественная форма», что всякому человеку, позволившему себе в этом усомниться, уготовано звание пособника тирании, то бишь врага рода человеческого?

Чистая демократия так же деспотична, как и абсолютная монархия

Я не знаю, по каким показателям оценивать современную правящую власть во Франции. Она прикрывается маской чистой демократии, хотя я считаю, что она — на прямом пути к утверждению вредной и подлой олигархии. Но в настоящее время я допускаю, что пока она ухитряется быть тем, чем так хочет казаться.

* Продолжение. Начало см. в NN 6, 7, 9, 1991 г

Я не осуждаю ни одну из форм правления лишь по отвлеченным соображениям.

Могут быть обстоятельства, при которых чисто демократическая форма станет необходимой. При некоторых из них (весьма редких и исключительных) она будет даже наиболее приемлемой. В данном случае я не имею в виду Францию или другую великую страну. В наше время, однако, мы не видели таких примеров, которые следовало бы принять во внимание, и лишь древние понимали в этом толк.

Поскольку я не совсем невежда и отчасти знаком с трудами тех авторов, которые были свидетелями и наилучшим образом могли судить о сути подобных устройств, то я все же не могу не согласиться с ними в том, что абсолютная демократия, в отличие от абсолютной монархии, не может быть рассмотрена как один из видов законного правления. Скорее всего они рассматривали ее как искажение и упадок, а не как устойчивое государственное устройство.

Если я правильно припоминаю, Аристотель указывает, что демократия имеет сходство с тиранией¹. Я убежден в том, что при демократии большинство граждан способно использовать самые жестокие формы подавления меньшинства, в то время как строгие разграничения превалируют в такого рода государственном устройстве, т.к. они действительно часто необходимы; и это подавление меньшинства будет приобретать все больший размах и проходить с большей жестокостью в дальнейшем, чем это когда-то ожидалось от власти единоличного правления.

При таком популярном наказании отдельные мученики находятся в более скверных условиях, чем при каком-либо другом. При жестоком государе они хотя бы имеют успокоительное сочувствие человечества, которое уменьшает жгучую боль их ран; их ободряют люди, вдохновленные благородным постоянством их страданий. Но тот, кого преследует толпа, лишен утешения извне. Его не замечают, словно все вокруг как бы несет бремя тайной круговой поруки.

Защита Французской монархии и аристократии. Преимущества монархического строя²

Но допустим, что демократия не имеет такой неизбежной тенденции к групповой тирании (хотя я считаю, что имеет), и если рассматривать ее в чистом виде, то и в ней предположительно можно найти что-то хорошее.

Я уверен, что демократия имеет положительные моменты тогда, когда сочетается с другими формами правления. Но содержит ли монархия, в свою очередь, что-то такое, что бы говорило в ее пользу? Я не цитирую часто Болингброка³ и не знаю его работ, которые бы надолго оставили след в моей памяти. Это самонадеянный и поверхностный автор. Но у него есть замечание, которое, по моему мнению, не лишено глубины и основательности. Он говорит, что предпочитает монархию иным формам правления, потому что при этом можно лучше внедрить любой тип республики на базе монархии, чем монархию на базе республиканских форм. Я думаю, что он прав. Это исторический факт, подтверждающий общее правило.

Я знаю, как легко развенчивать ошибки былого величия. После революций в государстве вчерашний раболепствующий лысец превращается в сурового критика текущего момента. Но независимые умы, когда дело касается предмета столь серьезного для человечества, как государство, по здравому размышлению с презрением отнесутся к тому, чтобы играть роль сатириков и критиканов. Они будут осуждать человеческие институты так же, как осуждают отдельных людей. Они будут разграничивать добро и зло, которые смешаны в человеческом обществе равно как и в смертных людях.

Монархию во Франции после всех ее просчетов следовало бы исправить, а не уничтожать

Ваше правительство во Франции (хотя обычно, и я думаю, что это справедливо, оно считается лучшим из непригодных или малопригодных монархий), имело, однако, и много недостатков. Они накапливались на протяжении долгого времени, т.к. они должны накапливаться в каждой из форм монархии и без всякого надзора народного представителя. Я знаком с ошибками и просчетами свергнутого правительства Франции, и я думаю, что не призван природой или политикой восхвалять то, что совершенно справедливо и естественно является предметом осуждения. Но вопрос стоит не о пороках этой монархии, а о ее существовании. Верно ли, что французское правительство было настолько неспособно на реформы, что стало абсолютной необходимостью незамедлительное разрушение всего общественного строя, чтобы место очистилось для сооружения умозрительного экспериментального строя?

В начале 1789 г. вся Франция считала иначе. Наказы представителям Генеральных Штатов шли из разных концов королевства, они были наполнены проектами реформации данного государственного устройства, но в них не было и отдаленного намека на его разрушение. Если бы такой проект когда-либо и был выдвинут, то я верю, что всегда найдется хотя бы один голос «против», отвергающий его с ужасом и презрением. Люди иногда находятся под властью указов, иногда торопятся с решением вопросов, по которым, если бы они могли все увидеть в целом, никогда бы не сделали выбор, столь далекий от истины.

Когда же это произошло, то не оставалось ни доли сомнения, что злоупотребления налицо; все требовали перемен. В этом нет сомнения и сейчас. В промежутке между указами и революцией многое изменилось, и сейчас справедлив вопрос: правы ли те, кто осуществляли перемены или те, кто разрушали?

Послушать, как некоторые говорят о последней монархии во Франции, так можно подумать, что речь идет о Персии, истекающей кровью под диким мечом Тахмасп-Кули-хана⁴, или же, наконец, о варварском анархическом деспотизме в Турции. Эти наиболее крайние страны, находящиеся в самом, какой только можно вообразить, благоприятном климате, разорены в мирное время больше, чем другие от войн; искусство там неизвестно, промышленность ослаблена, наука гаснет, сельское хозяйство разрушено, а человеческий род исчезает и гибнет на глазах. Было ли подобное во Франции? Я не могу ответить на это, ссылаясь на факты. Факты не говорят о подобном сходстве. Наряду с большим злом, в монархии много хорошего; и некоторые исправления дурных свойств, сделанные при помощи религии, законов, мнений, обычаев, во Французской монархии несомненно произошли; деспотизм же представлен в данном случае скорее чисто внешне, чем реально (хотя, безусловно, это свободное и хорошее общественное устройство).

Сведения о Французской монархии. Увеличение численности населения

Среди показателей, по которым можно судить о действиях правительства любой страны, я укажу на уровень ее населения. Он имеет не последнее значение. Ни одна благополучная страна не может быть управляема слишком подлым правительством. Около 60 лет назад главы правительства Франции представили, правда, по другому поводу, доклад о населении нескольких районов. У меня нет под рукой соответствующих источников, на которые я мог бы сослаться, и я не знаю, где их можно достать (поэтому я вынужден говорить по памяти и не столь категорично), но по этим сведениям, население Франции даже в тот период составляло 22 млн. душ. В конце прошлого века их насчитывалось 18 млн. Согласно этим наблюдениям, Франция не страдала от недостатка людей. Господин Неккер⁵, облеченный в свое время ответственностью человек, со своей стороны, считает по вполне очевидным критериям, что население Франции за 1780 г. составляло 24 млн. 670 тыс. Было ли это возможным пределом при старом устройстве?

Доктор Прайс⁶ придерживается мнения, что рост населения во Франции явился, безусловно, пиковым в указанном году. Я, конечно, полагаюсь на авторитет доктора Прайса по этому вопросу больше, чем на его общие политические взгляды. Этот джентльмен, базируясь на данных Неккера, весьма уверен в том, что с периода подсчета министром население Франции резко возросло, и возросло настолько, что в 1789 г. он не согласился на меньшее, чем 30 млн. Сделав определенные скидки (на многое должна быть сделана скидка) на оптимистические расчеты доктора Прайса, я не сомневаюсь, что население Франции значительно возросло за последнее время. Однако предположим, что оно возросло не более, чем от 24 млн. 670 тыс. до 25 млн. И тогда все же 25-миллионное население — уже огромное число, и такое увеличение — прогресс для территории в 24 тыс. кв. лье. Это, например, гораздо больше, чем система пропорционального распределения населения всего нашего острова или даже Англии — наиболее населенной части Соединенного Королевства.

Не всегда справедливо суждение о том, что Франция — это страна изобилия. Значительные пространства земли бесплодны или же их обработка связана с затратами огромного труда. В тех же районах, где условия более благоприятны, многие люди все же зависят от прихотей природы. В районе Лилля (его я считаю ярчайшим примером) на территории протяженностью в 404,5 лье около 10 лет назад проживало 734 тыс. 600 человек, из которых на каждый квадратный лье приходилось по 1 млн. 772 жителя. Средний показатель по остальной части Франции — около 900.

Я не отношу это на счет свергнутого правительства, т. к. не люблю льстить людям по поводу их изобретательности, которой они во многом обязаны щедрости Провидения.

Но сверженное правительство не затрудняло, а наоборот, даже способствовало влиянию соответствующих причин (если они имелись): либо это улучшение почвы, либо привитие людям промышленных навыков. Все вышеупомянутое порождало в королевстве своеобразие отдельных районов, в которых численность населения увеличивалась темпами, достойными удивления.

Я никогда не соглашусь с тем, что самое плохое среди всех возможных государственных политических устройств оказалось настолько (и это действительно так) благоприятным (какими бы скрытыми при этом усилия ни были) для увеличения населения.

Улучшение народного благосостояния

Благосостояние страны — это еще один и тоже немаловажный показатель, по которому можно судить, насколько в целом имеет деятельность правительства созидательную или разрушительную направленность.

Франция намного опережает Англию по численности населения, но я считаю, что ее относительное благосостояние гораздо хуже, чем наше, что там нет равенства ни в распределении, ни в применении получаемых благ.

Я верю, что различия в формах правления двух государств являются одной из причин преимуществ государственного устройства Англии. Я говорю об Англии, а не о всех британских владениях. Если все их сравнить с Францией, то это в какой-то степени ослабит счет в нашу пользу. Но богатство, которое не выдерживает сравнения с сокровищами Англии, тоже довольно весомо. Книга господина Неккера, опубликованная в 1785 г., содержит точное и интересное собрание фактов, относящихся к экономике общества и к азам политики, а его умозаключения по этому поводу, в общем, либеральны и мудры.

Неккер показывает, что государственная власть во Франции, будь она действительно объектом недовольства и абсолютным злом, единственное средство улучшения которого — лишь насильственный путь всеобщей ревоуции, не действовала бы так, как действовала на самом деле. Он подтверждает, что с 1726 по 1784 гг. было произведено на монетном дворе Франции золота и серебра на сумму 100 млн. фунтов стерлингов. Не может быть, чтобы господин Неккер ошибся в количестве слитков. Это дело официальной статистики. Рассуждения выдающегося финансиста, касающиеся качества золота и серебра, бывшего в употреблении в 1785 г., т.е. тогда, когда он писал книгу — за четыре года до смещения и заключения французского короля под стражу, неравноценны. Но они в равной степени настолько обоснованы, что с ними нельзя не согласиться. Он подсчитывает «numeraire», или

то; что мы называем «звонкая монета», которая имела тогда хождение во Франции и составляла сумму в 88 млн. если пересчитывать их на английские деньги. Огромное сосредоточение благосостояния для одной страны, даже такой большой, как эта! Господин Неккер настолько был далек от того, чтобы предполагать какой-либо спад (когда писал эти строки в 1785 г.), что, напротив, предположил дальнейшее увеличение на 2% в год, по сравнению с тем состоянием финансов во Франции, которое он рассматривал.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Берк здесь ссылается на следующее место у Аристотеля: «В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и лстыцы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из о гдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами, постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и лстыцы в сущности одно и то же или, во всяком случае, схожи друг с другом, и те, и другие имеют огромную силу — лстыцы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии» (Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 487).

² В России в дальнейшем эти взгляды Э Берка очень интересно развивал И.А. Ильин. Подробнее см.: *Ильин И. А.* О монархии и республике // *Вопр. философии.* 1991. NN 4. 5.

3 Болингброк Генри (1678—1751). Государственный деятель Англии, писатель. Сам Берк испытывал влияние возвышенного стиля Болингброка (особенно работы Болингброка «Оправдание естественной истории»). Однако в вопросах религии он придерживался прямо противоположных взглядов.

⁴ Тахмасп-Кули-хан (1688—1747) или НаDIR Шах. Правил Ираном с 1736 по 1747 гг. После ряда кровопролитных войн убит в результате заговора.

⁵ Неккер Жак (1732-1804) — по национальности швейцарец, министр финансов Франции. Деятельность его была очень плодотворной, однако был смещен со своего поста Людовиком XVI, т.к. придерживался протестантского вероисповедания. Позже, в 1788 г. снова у власти, но перед самым штурмом Бастилии опять смещен и вновь восстановлен в должности. Ушел в отставку в 1790 г.

6 Прайс Ричард (1723 1791). Тогдашний лидер противников официального курса в Англии. Экономист и политолог. Был на стороне Американской революции. Поддерживал тесные дружеские отношения с Бенджамином Франклином.

7 *Necker G. De l'Administration des Finances de la France.* P., 1785. V. III. Ch. 8, 9.

Примечания подготовил В.И. ШАМШУРИН